

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ БУДУЩЕЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ: НАДЕЖДЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

FAR EASTERN FUTURE OF TRANSBAIKALIA: EXPECTATIONS AND REALITY

И. П. Глазырина,

Институт природных ресурсов,
экологии и криологии СО РАН, г. Чита
iglazyrina@bk.ru

I. Glazyrina,

Institute of Natural Resources, Ecology
and Cryology SB RAS, Chita

А. А. Фалейчик,

Забайкальский государственный
университет, г. Чита
faa55@bk.ru

A. Faleychik,

Transbaikal State University,
Chita

Л. М. Фалейчик,

Институт природных ресурсов,
экологии и криологии СО РАН, г. Чита
lfaleychik@bk.ru

L. Faleychik,

Institute of Natural Resources, Ecology
and Cryology SB RAS, Chita

Актуальность темы обусловлена принятым в 2018 г. решением о включении Забайкальского края в состав Дальневосточного федерального округа. В данной статье авторы рассматривают вопрос о том, насколько обоснованы надежды на ускорение развития Забайкальского края и Республики Бурятия в связи с этим решением. С этой целью проводится эмпирический анализ динамики экономического роста, инвестиционных потоков и региональных фондов заработной платы для периода 2011–2017 гг., когда работали факторы, связанные с «Программой развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2030 г.». Фонды заработной платы рассматриваются как характеристика при оценке изменений благосостояния граждан в регионах. Показано, что в динамике не везде отмечаются существенные позитивные сдвиги, которые можно связать с наличием «дальневосточных преференций». При средне-российском росте на 8,4 % подушевого ВРП за 2011–2017 гг. во всех дальневосточных приграничных регионах, также как в Республике Бурятия и Забайкальском крае, наблюдается спад. Тем не менее, расчеты показывают, что есть основания надеяться на позитивную динамику в некоторых отраслях в связи с получением «дальневосточного статуса». Отмечено, что в «старых» дальневосточных регионах заметно выросла доля инвестиций в сельское и лесное хозяйство, хотя она остается достаточно скромной. Это может быть связано с деятельностью новых дальневосточных институтов развития. В то же время в Республике Бурятия и Забайкальском крае доля инвестиций в эту отрасль в рассматриваемый период снижалась, несмотря на стимулирование продовольственного импортозамещения и некоторое улучшение условий для экспорта – в частности, повышения спроса в Китае на продовольственные товары из России и снижение курса рубля. Ожидания существенно более быстрого роста региональных экономик в краткосрочном и даже среднесрочном плане вряд ли оправданы, так как это не произойдет только за счет получения нового «статуса», без кардинального изменения институциональной среды и экономической политики в стране в целом

Ключевые слова: Дальний Восток; Байкальский регион; приграничные регионы; региональное развитие; валовой региональный продукт (ВРП); инвестиции в основной капитал; инвестиционные потоки; экономический рост; рост благосостояния; межрегиональная дифференциация

The relevance of the topic is due to the decision taken in 2018 to include the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory in the Far Eastern Federal district. The authors consider the question of whether the hopes for accelerating the development of the Republic of Buryatia and the Transbaikal Region in connection with this decision are justified. For this purpose, an empirical analysis of the dynamics of economic growth, investment flows and regional payroll funds is carried out for the period from 2011 to 2017, when the factors related to “the Development Program of the Far East and the Baikal region until 2030” have already begun to work. The payroll funds are considered as characteristics in assessing changes in the welfare of citizens in the regions. It is shown that the dynamics are not always caused by significant positive changes that could be associated with the presence of “Far Eastern preferences”. With the average Russian growth by 8.4 % of per capita GRP for 2011–2017, in all Far Eastern border regions, as well as in the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory, there is a decline. Nevertheless, calculations show that there are grounds for hope for positive dynamics in some industries in connection with obtaining the “Far Eastern status”. It is noted that in the “old” Far Eastern regions, the share of investments in agriculture and forestry has increased markedly, although it remains still quite modest. This may be due to the activities of the new Far Eastern development institutions. At the same time, in the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory, the share of investments in this industry decreased during the period under review, despite the stimulation of food import substitution and some improvement in conditions for exports – in particular, the increase in demand for food products from Russia in China and the depreciation of the Russian ruble. Expectations of significantly faster growth of regional economies in the short and even medium term are hardly justified. It is concluded that this will not happen only by obtaining a new “status”, without a fundamental change in the institutional environment and economic policy in the country as a whole

Key words: Far East; Baikal region; border regions; regional development; gross regional product (GRP); investments in fixed capital; investment flows; economic growth; wealth growth; interregional differentiation

Введение. Включение Забайкальского края и Республики Бурятия в Дальневосточный федеральный округ (ДВФО) оценивается экспертами неоднозначно. С одной стороны, с этим связывают надежду на существенное увеличение федеральных финансовых ресурсов и инвестиций из различных источников и, как следствие, рост региональной экономики и благосостояния. Для этого есть определенные основания: в первом полугодии 2019 г. объемы бюджетных трансфертов выросли. Также подкрепляют эти надежды перспективы участия в национальных проектах. Однако национальные проекты связаны с решением среднесрочных задач, и соответствующие планы разрабатываются до 2024 г. Даже если в этот период удастся обеспечить существенный «прорыв», для устойчивости позитивных тенденций необходимо, чтобы сформировались условия для долгосрочного эндогенного роста, включая институциональную среду соответствующего качества. Поэтому высказывается несогласие с тем, что включение в состав ДВФО «само по себе» принесет значительные плюсы.

Существует мнение, что главное отличие государственного управления в Сибирском федеральном округе (СФО) и ДВФО – только в объемах федеральной финансовой

поддержки, которую можно обеспечить и без этого включения. Специальные институты развития, созданные в ДВФО, включая Минвостокразвития, требуют больших затрат, однако не имеют адекватной продуктивности. Существует длинный перечень разных программ, связанных с развитием Дальнего Востока и Забайкалья, ни одна из которых не дала запланированных результатов. И, поскольку формат подготовки национальных проектов не изменился, есть опасность повторения неудач и в будущем.

Авторы полагают, что эти опасения не беспочвенны. Предложенный в работе анализ призван оценить сравнительную динамику развития восточных регионов после 2011 г., уже после формирования новых институтов развития на Дальнем Востоке. Его результаты дадут возможность избежать повторения старых ошибок, с одной стороны, и выявить необходимые направления институциональной трансформации в будущем – с другой. Анализ проводился не только для Бурятии, Забайкальского края и Иркутской области – территорий Байкальского региона. Важным представлялось провести сравнение с регионами ДВФО, которые находятся в более или менее сопоставимых социально-экономических и природно-географических условиях, поэтому выбраны южные приграничные ре-

гионы: Амурская и Еврейская автономная области, Приморский и Хабаровский края.

Методология исследования. Исследование выполнено на основе открытой официальной статистической информации, предоставляемой Росстатом [9] и Федеральной налоговой службой России (ФНС) [4].

Результаты исследования. Инвестиции и валовый региональный продукт. Прежде всего, рассмотрим динамику объемов инвестиций в основной капитал (ОК) из всех источников за 2011–2017 гг. Расчеты выполнены с использованием региональных Индексов физического объема инвестиций в ОК [9], что позволяет исключить фактор роста цен. Рис. 1 дает представление о том,

насколько различаются объемы инвестиционных потоков в различных регионах. Лидером в группе регионов является Иркутская область. Можно также заметить, что после проведения саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 г., подготовка к которому потребовала «политических» инвестиций из федерального бюджета, в Приморском крае произошло резкое сокращение объемов инвестиций в ОК. Создание масштабной инфраструктуры не повлекло за собой дальнейшей активизации инвестиционного потока в регионе. Существенный рост после 2014 г. наблюдается только в Амурской области. Есть основания полагать, что это преимущественно связано со строительством космодрома «Восточный».

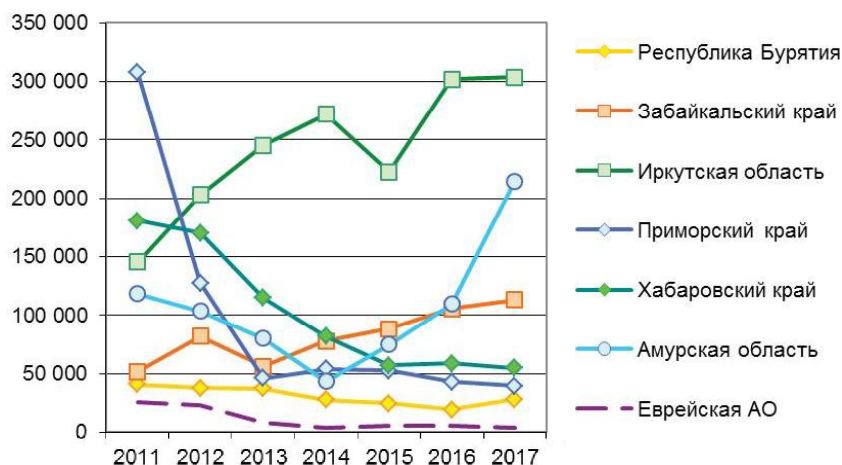

Рис. 1. Динамика общих объемов инвестиций в основной капитал, приведенных к 2011 г., млн р. /
Fig. 1. Dynamics of total investments in fixed capital, million rubles, in 2011 prices

Однако регионы различаются по численности населения, поэтому с использованием данных о среднегодовой численности населения в регионах за рассматриваемый период [9] были рассчитаны и подушевые инвестиции (рис. 2). После 2014 г. заметно выделяются только Амурская область (в лучшую сторону) и Бурятия (в худшую). Вряд ли можно говорить о том, что на Дальнем Востоке наблюдается лучшая динамика, чем в Байкальском регионе.

Что касается подушевого ВРП, расчеты которого выполнены с использованием региональных Индексов физического объема валового регионального продукта и среднегодовой численности населения в регионах за рассматриваемый период [9], то здесь наблюдается существенная разница (рис. 3). Однако это касается только его объемов: в отношении динамики пока

не наблюдается более заметных темпов роста в приграничных регионах Дальнего Востока по сравнению с Байкальским регионом.

Более детальное представление о темпах роста ВРП дает рис. 4. Несмотря на то, что в период 2011–2017 гг. рост ВВП России хотя и медленно, но все же положительно изменялся, во всех рассматриваемых регионах ДВФО, в Бурятии и Забайкальском крае наблюдался экономический спад. Исключение составляет Иркутская область, она практически не охватывалась усилиями новых институтов развития и «дальневосточными преференциями», несмотря на то, что Байкальский регион в целом включен в сферу «Программы социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона». Иркутскую область, как всегда, «выручает» дешевая электроэнергия.

Одновременно стоит отметить, что практически все приграничные регионы Востока России продолжали терять население (рис. 5) [2; 3; 18; 19].

Изменения в структуре инвестиций. Характер и качество инвестиций, а не только количество инвестиций существенно влияют на экономический рост [13; 16]. В России структуру инвестиций в основной капитал принято считать консервативной [14; 17]. Однако данные рис. 6 показывают, что некото-

рая трансформация все-таки происходит: на 3 % снизилась доля инвестиций в энергетику, а также в транспорт и связь – на 9,1 %, доля которой являлась самой высокой в 2011 г. Существенно (до 20,6 %) выросла доля вложений в ОК по ВЭД «Операции с недвижимым имуществом...», превышающая во все годы рассматриваемого периода (за исключением 2015 г.) долю инвестиций в добычу полезных ископаемых, которая традиционно является высокой.

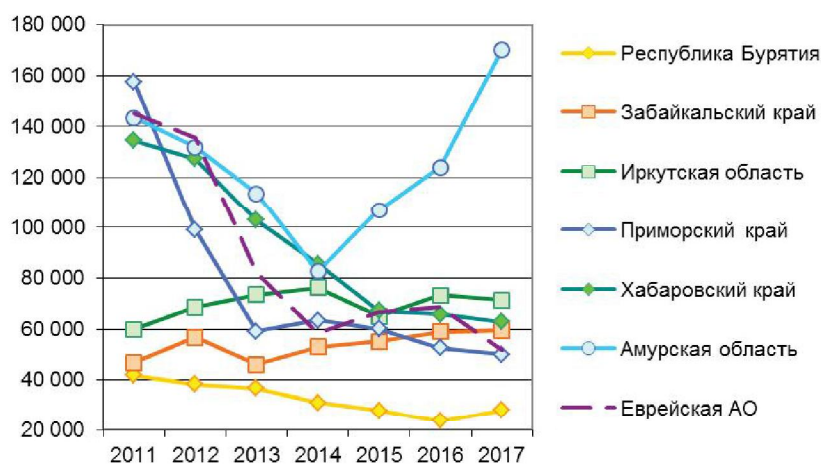

Рис. 2. Подушевые инвестиции в ОК, приведенные к 2011 г., р. на человека / Fig. 2. The per capita investments in fixed capital, rubles / person, in 2011 prices

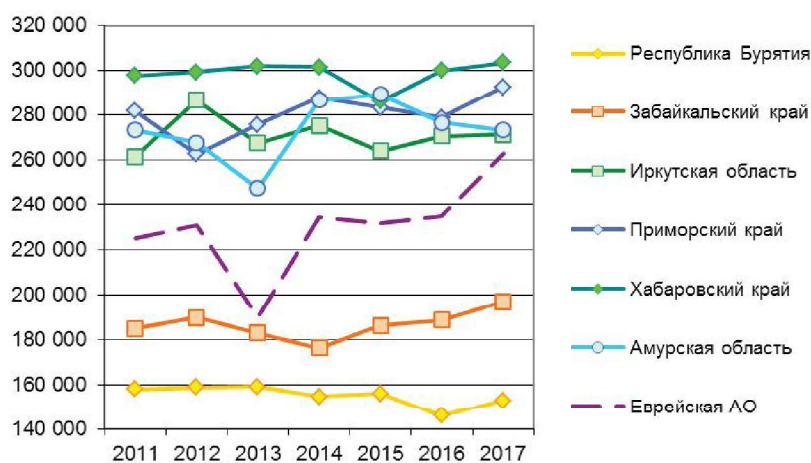

Рис. 3. Подушевой ВРП, приведенный к 2011 г., р. на человека / Fig. 3. The per capita GRP in 2011 prices, rubles / person

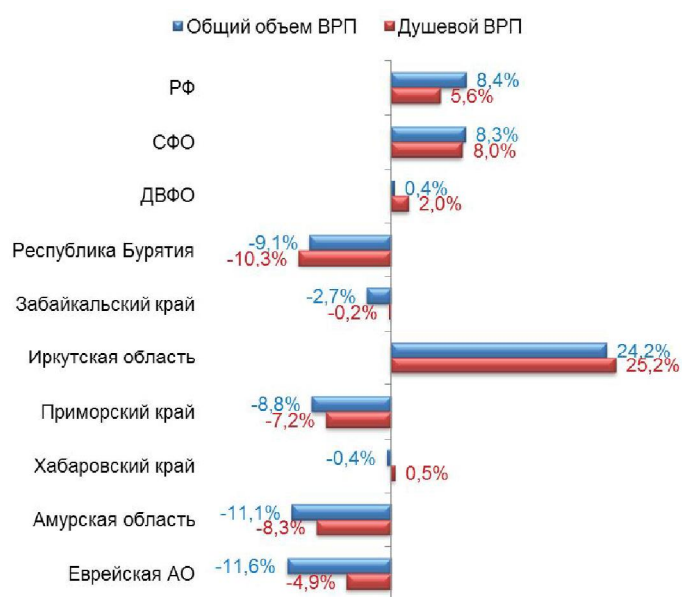

Рис. 4. Прирост ВРП в 2017 г. по отношению к 2011 г. / Fig. 4. The per capita GRP growth in 2017 in relation to 2011

Рис. 5. Прирост среднегодовой численности населения в 2017 г. по отношению к 2011 г. / Fig. 5. The average annual population growth in 2017 in relation to 2011

Для обозначения рассматриваемых видов экономической деятельности (ВЭД) далее в тексте и на рис. 6, 7 используются коды, применяемые в базах данных Росстата и ФНС России в рассматриваемый период [4; 9]:

1015 – сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство;

1035 – добыча полезных ископаемых – всего;

1085 – обрабатывающие производства;

1240 – производство и распределение электроэнергии, газа и воды;

1270 – строительство;

1280 – оптовая и розничная торговля;

ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования;

1300 – гостиницы и рестораны;

1315 – транспорт и связь – всего;

1370 – финансовая деятельность;

1390 – операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг;

1400 – государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование;

1410 – образование;

1420 – здравоохранение и предоставление социальных услуг.

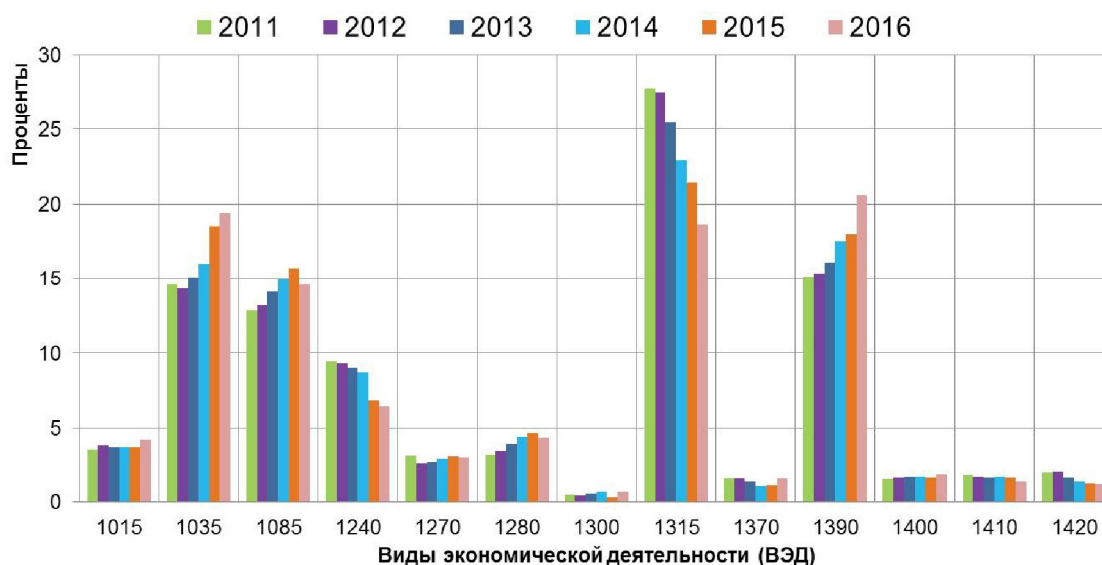

Рис. 6. Распределение инвестиций в ОК по основным ВЭД в 2011–2016 гг. в РФ / Fig. 6. Distribution of the investments in fixed capital by major types of economic activity in 2011–2016 for the Russian Federation

Несмотря на то, что добыча полезных ископаемых – исторически сложившаяся специализация экономики Дальнего Востока и Байкальского региона [8], вклад инвестиций в эту отрасль за период 2011–2016 гг., как правило, ниже среднероссийского (14,3...19,4 %). Исключение – Иркутская область (27,1...37,5 %) и Республика Бурятия (16,1...25,1 %) (рис. 7). Это характерно для всех нефтегазовых регионов страны [5]. Самая большая доля инвестиций в рассматриваемых восточных регионах (так же, как и в целом по России), за исключением Иркутской области, в транспорт и связь, и здесь она, как правило, превышала среднероссийскую (27,7...18,6 %) (см. рис. 7).

Доля вложений в ОК существенно выросла в обрабатывающей промышленности для Приморского и Хабаровского краев и Амурской области, что следует отметить как безусловно позитивную динамику структуры инвестиций в этих регионах. В то же время в Иркутской области доля вложений в эту отрасль снизилась.

В «старых» дальневосточных регионах заметно выросла доля инвестиций в сельское и лесное хозяйство, хотя и остается достаточно скромной. Это может быть связано с деятельностью новых дальневосточных институтов развития [1]. В рассматриваемый период в Бурятии и Забайкальском крае она снижалась, несмотря на стимулирование продовольственного импортозамещения и

некоторое улучшение условий для экспорта – в частности, повышения спроса на продовольственные товары из России в Китае и снижение курса рубля.

На рис. 7 показано, что значимость инвестиционных потоков по операциям с недвижимостью на востоке страны существенно меньше среднероссийской (15,2...20,6 %). Исключением является Забайкальский край. Здесь доля инвестиций в этот сектор устойчиво росла и к 2016 г. достигла 33,5 %. Однако вряд ли это можно считать улучшением структуры инвестиций в регионе, поскольку названный процесс не сопровождается адекватным ростом инвестиций в строительство.

Стоит также отметить, что инвестиции, направленные на сохранение и развитие человеческого капитала (в образование и здравоохранение), на Дальнем Востоке занимали практически такое же скромное место, как и в России в целом (1,8...1,4 %). Некоторый «всплеск» инвестиций в сферу образования в 2011–2012 гг. в Приморском крае связан лишь с образованием Дальневосточного федерального университета. Между тем именно этот аспект, связанный с оттоком населения (см. рис. 5), вызывает особую тревогу в контексте перспектив развития восточной части страны [3]. Однако доля инвестиций в образование и здравоохранение Республики Бурятия существенно превышала среднероссийские.

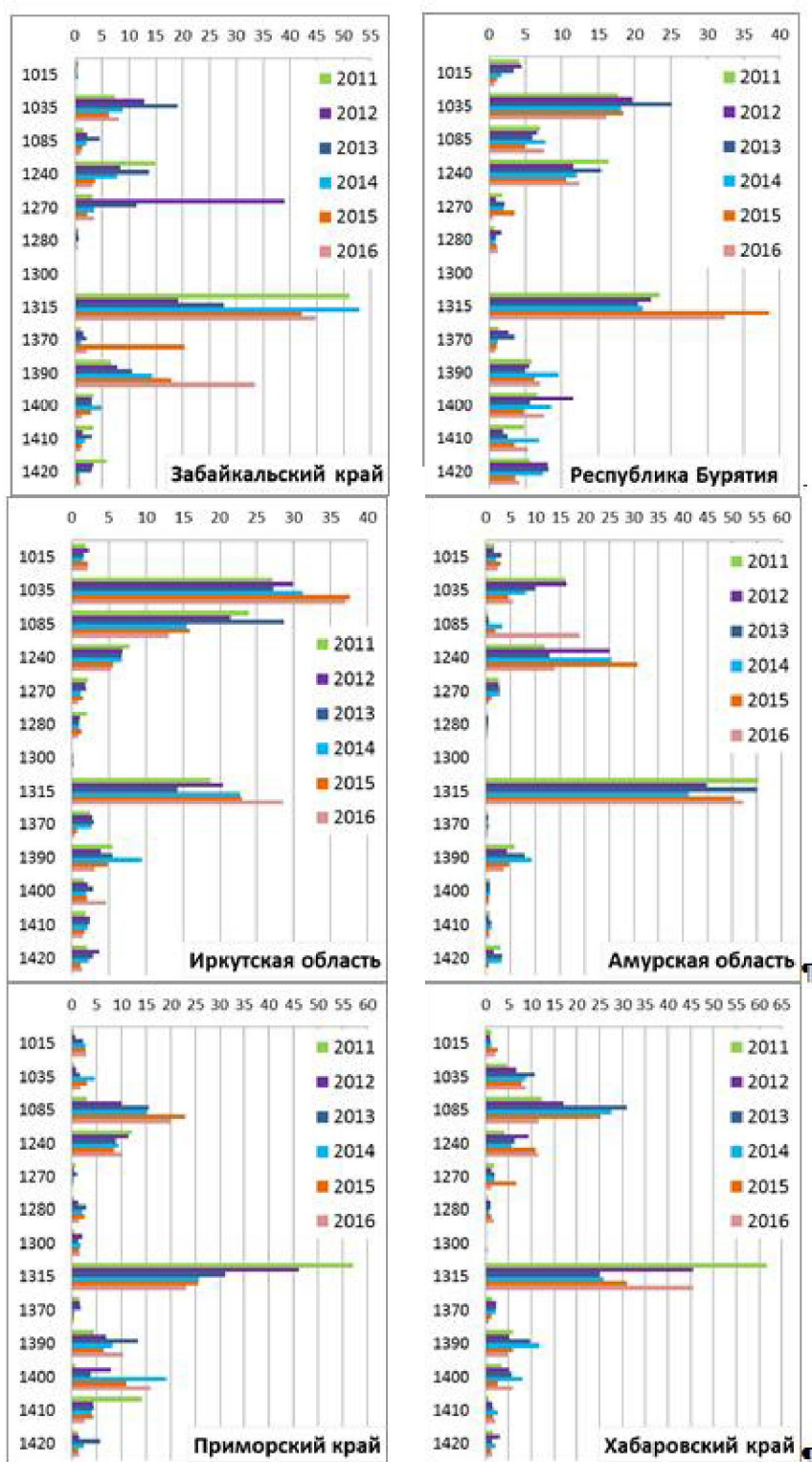

Рис. 7. Распределение инвестиций в основной капитал по основным ВЭД в восточных приграничных регионах РФ в 2011–2016 гг., % / Fig. 7. Distribution of the investments in fixed capital by major types of economic activity in 2011–2016 in the eastern border regions of the Russian Federation, %

Динамика заработной платы. Один из важнейших показателей динамики благосостояния – рост фондов заработной платы в регионах, поэтому его необходимо рассматривать при оценке отдачи от инвестиций [10; 11; 15]. В легальном секторе его можно оценить по объемам уплаченного НДФЛ в бюджетную систему страны [4] (рис. 8). Чтобы исключить искажения, связанные с инфляцией, наши расчеты скорректированы с учетом индекса потребительских цен (ИПЦ). Иркутская область – единственный из ис-

следуемых регионов, где произошел рост этого показателя (+4,1 %), который все же ниже среднероссийского (+5,7 %). Это означает, что в 2011–2017 гг. институциональная трансформация на Дальнем Востоке в отношении роста благосостояния граждан не дала позитивных результатов, которые смогли бы «переломить» негативное воздействие экономических шоков: падение цен на нефть, девальвация рубля, санкции западных стран, российские «антисанкции» и др.

Рис. 8. Прирост общего объема поступлений НДФЛ (1010) в бюджетную систему РФ по регионам в 2017 г. в сравнении с 2011 г. / Fig. 8. Growth of the total personal income tax (1010) in the Russian budget system by region in 2017 in relation to 2011

Более детальный анализ показывает, что изменения заработной платы происходят по-разному в разных отраслях. По ВЭД 1315 «Транспорт и связь – всего», где доля инвестиций самая высокая почти во всех регионах, ее прирост в 2017 г. относительно 2011 г. представлен на рис. 9. Здесь нельзя одно-

значно говорить о положительной динамике ни в «старых» регионах Дальнего Востока, ни в Байкальском регионе: во многих из них произошел существенный спад. В большинстве восточных приграничных регионов ситуация хуже, чем по России в среднем (-4 %).

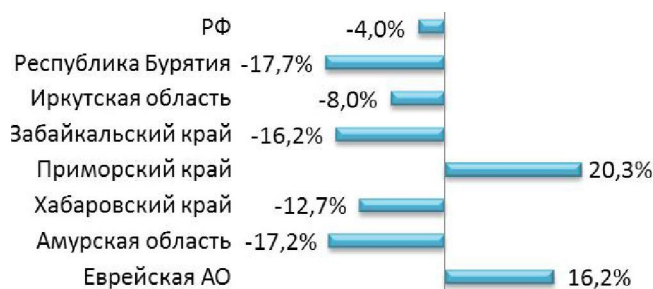

Рис. 9. Прирост поступлений в бюджетную систему РФ НДФЛ по ВЭД 1315 «Транспорт и связь – всего» в 2017 г. по отношению к 2011 г. / Fig. 9. Growth of the personal income tax in the Russian budget system on the 1315 "Transport and communications – total" economic activity by region in 2017 in relation to 2011

Напротив, по ВЭД 1035 «Добыча полезных ископаемых – всего» мы наблюдаем устойчивую положительную динамику (рис. 10), несмотря на то, что доля инвестиций здесь значительно меньше, чем в транспорт и связь. Самый высокий показатель – в Иркутской области. В целом можно заклю-

чить, что дальневосточные регионы по этому показателю опережают Забайкальский край и Бурятию, но в Приморском крае мы видим его снижение. Это может быть следствием того, что основными бенефициарами «дальневосточной трансформации» стали крупные сырьевые проекты [8; 12].

Рис. 10. Прирост поступлений в бюджетную систему РФ НДФЛ по ВЭД 1035 «Добыча полезных ископаемых – всего» в 2017 г. по отношению к 2011 г. / Fig. 10. Growth of the personal income tax in the Russian budget system on the 1035 "Mining – total" economic activity by region in 2017 in relation to 2011

Динамика заработной платы по ВЭД 1270 «Строительство», отражаемая показателем поступления НДФЛ, выглядит особенно удручающе (рис. 11). Падение произошло во всех семи регионах, и в «старых» дальневосточных – даже в большей степени, не-

смотря на строительство инфраструктуры к саммиту АТЭС и космодрома «Восточный». Следует отметить, что снижение этого показателя произошло и в среднем по стране, но не так кардинально.

Рис. 11. Прирост поступлений в бюджетную систему РФ НДФЛ по ВЭД 1270 «Строительство» в 2017 г. по отношению к 2011 г. / Fig. 11. Growth of the personal income tax in the Russian budget system on the 1270 "Building" economic activity by region in 2017 in relation to 2011

Рост фондов заработной платы по ВЭД 1300 «Гостиницы и рестораны» (рис. 12) можно объяснить существенным увеличением численности туристических потоков в восточных приграничных регионах. Значительную долю в них занимают туристы из КНР, для которых снижение курса рубля повысило привлекательность туров в Россию [6; 7].

Увеличение туристического потока в Бурятию и Иркутскую область вызвано растущей популярностью направления, связанного с озером Байкал. Однако доля этого сектора в экономике по-прежнему мала, и это пока не стало существенным фактором роста благосостояния регионов.

Рис. 12. Прирост поступлений НДФЛ в бюджетную систему РФ по ВЭД 1300 «Гостиницы и рестораны» в 2017 г. по отношению к 2011 г. / Fig. 12. Growth of the personal income tax in the Russian budget system on the 1300 "Hotels and restaurants" economic activity by region in 2017 in relation to 2011

Заключение. Итак, эмпирические данные, характеризующие развитие «старых» дальневосточных регионов в 2011–2017 гг., «охваченных» новыми институтами развития и дальневосточными преференциями, говорят о наличии некоторых опережающих по отношению к Байкальскому региону позитивных процессов. Однако не всегда это можно интерпретировать как причинно-следственную связь – целый ряд достижений Иркутской области вполне сопоставим с лучшими результатами на Дальнем Востоке. Таким образом, это вполне может быть следствием более развитой и диверсифицированной экономики по сравнению с Забайкальским краем и Бурятией. Кроме того, в различных отраслях динамика проявляется по-разному. В отношении строительной отрасли, в частности, можно сказать, ситуация с фондом оплаты труда на Дальнем Востоке существенно хуже, чем в Байкальском регионе.

Подушевые инвестиции в основной капитал в дальневосточных регионах в среднем выше, чем в Бурятии и в Забайкалье. Такая же ситуация была и в 2011 г. После этого на Дальнем Востоке произошло их существенное снижение (за исключением Амурской области, где строился космодром «Восточ-

ный»), тогда как в Байкальском регионе мы наблюдаем некоторый рост. Поэтому пока вряд ли можно говорить о позитивном влиянии новых институтов.

Но самый важный вывод необходимо сделать о перспективах экономического роста. Подушевой ВРП в «старых» дальневосточных регионах в рассматриваемый период был существенно выше, чем в Бурятии и Забайкалье, – но уже с 2011 г. Что касается динамики, при среднероссийском росте на 8,4 % за 2011–2017 гг. спад произошел во всех дальневосточных приграничных регионах, в Бурятии и Забайкальском крае. И, хотя расчеты показывают, что есть основания для надежды на позитивную динамику в некоторых отраслях в связи с получением «дальневосточного статуса», ожидания более быстрого роста региональных экономик в краткосрочном и даже среднесрочном плане вряд ли оправданы. По крайней мере, ясно, что это не произойдет только за счет получения нового «статуса», без кардинального изменения институциональной среды и экономической политики в стране в целом. На региональном уровне важно не упустить шансы на устойчивое экономическое развитие в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Антонова Н. Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: есть ли задел под будущее развитие? // ЭКО. 2019. № 5. С. 27–47.
2. Восток России: проблемы освоения – преодоления пространства / под ред. В. А. Крюкова и В. В. Кулешова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. 484 с.
3. Глазырина И. П., Фалейчик Л. М. К вопросу о сохранении человеческого капитала на Востоке России: жизнь учителя и врача после «майских указов» // ЭКО. 2019. № 5. С. 48–65.
4. Данные по формам статистической налоговой отчетности. URL: https://www.nalog.ru/rn75/related_activities/statistics_and_analytics/forms (дата обращения: 10.03.2019). Текст: электронный.
5. Дементьев Н. П. Прямые иностранные инвестиции в российской экономике: движение по кругу // ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ. 2017. Т. 3, № 1. С. 251–255.

6. Коротный Л. М., Евстропьева О. В. О разработке правил организации туризма и отдыха в центральной экологической зоне Байкальской природной территории // Современные проблемы сервиса и туризма. 2018. Т. 12, № 3. С. 31–42.
7. Кузнецова Е. Туризм в красном тереме. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/07/06/648112-turizm-krasnom-tereme> (дата обращения: 22.04.2019). Текст: электронный.
8. Ломакина Н. В. Ключевые механизмы новой модели развития Дальнего Востока и их влияние на роль минерального сектора в экономике региона // ЭКО. 2015. № 7. С. 5–15.
9. Регионы России: социально-экономические показатели: статистический сборник. М., 2018. 1162 с.
10. Рюмина Е. В. Показатели качества населения и качества жизни: взаимосвязь с денежными доходами. URL: <http://www.uecs.ru/uecs-115-92018/item/5097-2018-09-10-09-16-19> (дата обращения: 10.03.2019). Текст: электронный.
11. Сухарев О. С. Инвестиции: институциональные и структурные решения // Инвестиции в России. 2017. № 11. С. 3–7.
12. Antonova N. E., Lomakina N. V. Natural resource-based industries of the Far East: new drivers of development // *Economic and Social Changes: facts, trends, forecast*. 2018. Vol. 11, No. 1. P. 43–56.
13. Borensztein E., De Gregorio J., Lee J-W. How does foreign direct investment affect economic growth? // *Journal of International Economics*. 1998. Vol. 45, No. 1. P. 115–135.
14. Iwasaki I., Suganuma K. Foreign direct investment and regional economic development in Russia: an econometric assessment // *Economic Change and Restructuring*. 2015. Vol. 48, No. 3–4. P. 209–255.
15. Lokosov V. V., Ryumina E. V., Ulyanov V. V. Population quality and regional economy: direct and indirect correlation // *Economic and Social Changes: facts, trends, forecast*. 2018. Vol. 11, No. 1. P. 32–42.
16. Lucas R. On the mechanics of economic development // *Journal of Monetary Economics*. 1988. Vol. 22, No. 1. P. 3–42.
17. Mikheeva N. N. Regional aspects of economic growth in Russia // *The Journal of Econometric Study of Northeast Asia (JESNA)*. 2004. Vol. 5, No. 1. P. 43–69.
18. Motrich E. L., Izotov D. A. Modern trends and problems of migration in a Russian border region: the Far East // *Studies on Russian Economic Development*. 2018. Vol. 29, No. 3. P. 245–251.
19. Motrich E. L., Molodkovets L. A. Shaping the population and labor resources in the Russian Far East // *Economic and Social Changes: facts, trends, forecast*. 2019. Vol. 12, No. 1. P. 53–69.

References

1. Antonova N. E. *EKO (EKO)*, 2019, no. 5, pp. 27–47.
2. *Vostok Rossii: problemy osvoeniya – preodoleniya prostranstva* (East of Russia: problems of development - overcoming space) / ed. V. A. Kryukov and V. V. Kuleshov. Novosibirsk: IEOPP SB RAS, 2017. 484 p.
3. Glazyrina I. P., Faleichik L. M. *EKO (ECO)*, 2019, no. 5, pp. 48–65.
4. *Dannye po formam statisticheskoi nalogovoi otchetnosti* (Data on the forms of statistical tax reporting). URL: https://www.nalog.ru/rn75/related_activities/statistics_and_analytics/forms (Date of access: 10.03.2019). Text: electronic.
5. Dementiev N. P. *INTEREKSP0 GEO-SIBIR (INTEREXPO GEO-SIBERIA)*, 2017, vol. 3, no. 1, pp. 251–255.
6. Korytny L. M., Evstropieva O. V. *Sovremennye problemy servisa i turizma (Service and Tourism: Current Challenges)*, 2018, vol. 12, no. 3, pp. 31–42.
7. *Turizm v krasnom tereme* (Kuznetsova E. Tourism in the red tower). URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/07/06/648112-turizm-krasnom-tereme> (Date of access: 22.04.2019). Text: electronic.
8. Lomakina N. V. *EKO (ECO)*, 2015, no. 7, pp. 5–15.
9. *Regiony Rossii: sotsialno-ekonomicheskie pokazateli: statisticheskiy sbornik* (Regions of Russia: socio-economic indicators: statistical collected articles). Moscow, 2018, 1162 p.
10. Ryumin E. V. *Pokazateli kachestva naseleniya i kachestva zhizni: vzaimosvyaz s denezhnymi dohodami* (Indicators of the quality of the population and quality of life: relationship with cash income). URL: <http://www.uecs.ru/uecs-115-92018/item/5097-2018-09-10-09-16-19> (Date of access: 10.03.2019). Text: electronic.
11. Sukharev O. S. *Investitsii v Rossii* (Investments in Russia), 2017, no. 11, pp. 3–7.
12. Antonova N. E., Lomakina N. V. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* (Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast), 2018, vol. 11, no. 1, pp. 43–56.
13. Borensztein E., De Gregorio J., Lee J-W. *Journal of International Economics* (Journal of International Economics), 1998, vol. 45, pp. 115–135.
14. Iwasaki I., Suganuma K. *Economic Change and Restructuring* (Economic Change and Restructuring), 2015, vol. 48, no. 3–4, pp. 209–255.
15. Lokosov V. V., Ryumina E. V., Ulyanov V. V. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* (Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast), 2018, vol. 11, no. 1, pp. 32–42.

16. Lucas R. *Journal of Monetary Economics* (Journal of Monetary Economics), 1988, vol. 22, no. 1, pp. 3–42.
17. Mikheeva N. *The Journal of Econometric Study of Northeast Asia* (The Journal of Econometric Study of Northeast Asia), 2004, vol. 5, no. 1, pp. 43–69.
18. Motrich E. L., Izotov D. A. *Studies on Russian Economic Development* (Studies on Russian Economic Development), 2018, vol. 29, no. 3, pp. 245–251.
19. Motrich E. L., Molodkovets L. A. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* (Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast), 2019, vol. 12, no. 1, pp. 53–69.

Коротко об авторах

Глазырина Ирина Петровна, д-р экон. наук, гл. науч. сотрудник, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН; профессор, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: экологическая экономика, экологическая политика, транзакционные издержки
iglazyrina@bk.ru

Фалейчик Андрей Анатольевич, канд. физ.-мат. наук, доцент, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: математическое моделирование, численные методы и эксперименты, геоэкология
faa55@bk.ru

Фалейчик Лариса Михайловна, канд. техн. наук, ст. науч. сотрудник, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН; доцент, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: геоинформационные системы и технологии (ГИС), геоэкология
lfaleychik@bk.ru

Briefly about the authors

Irina Glazyrina, doctor of economic sciences, professor, Transbaikal State University, Senior Research Fellow, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: environmental economics, environmental policy, transaction costs

Andrey Faleychik, candidate of physical and mathematical sciences, associate professor, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: mathematical modeling, calculus of approximation and experiments, geoecology

Larisa Faleychik, candidate of technical sciences, associate professor, Transbaikal State University, senior research scientist, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch (INREC SB RAS), Chita, Russia. Sphere of scientific interests: Geographic Information System (GIS), GIS technologies, geoecology

Работа выполнена в соответствии с государственным заданием по проекту XI.174.1.8. Программы фундаментальных исследований СО РАН. Расчеты в разделах «Изменения в структуре инвестиций» и «Динамика заработной платы» проведены в рамках проекта РФФИ № 19-010-00485.

Образец цитирования

Глазырина И. П., Фалейчик А. А., Фалейчик Л. М. Дальневосточное будущее Забайкалья: надежды и реальность // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Т. 25, № 8. С. 87–98. DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-8-87-98.

Glazyrina I., Faleychik A., Faleychik L. Far Eastern future of Transbaikalia: expectations and reality // Transbaikal State University Journal, 2019, vol. 25, no. 8, pp. 87–98. DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-8-87-98.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2019 г.
Статья принята к публикации: 21.10.2019 г.